ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Лейпхарт

Со-общественная демократия

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Leiphart_1992-_3.pdf

URL:http://www.civisbook.ru

СО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ*

Аренд Лейпхарт

Со-общественной демократии можно дать определение через четыре ее характерные черты. Первый и самый важный элемент - осуществление власти *"большой коалицией"* политических лидеров всех значительных сегментов многосоставного общества. Она может выступать в нескольких различных формах, например, как кабинет большой коалиции в парламентской системе, "большой совет" или комитет с важными совещательными функциями, или большая коалиция президента с другими важнейшими должностными лицами в президентской системе. Три других важных элемента со-общественной демократии: 1) взаимное вето, или правило *"совпадающего большинства",* выступающее как дополнительная гарантия жизненно важных интересов меньшинства; 2) *пропорциональность* как главный принцип политического представительства, назначений на посты в государственной службе и распределения общественных фондов, и 3) высокая степень *автономности* каждого сегмента в осуществлении своих внутренних дел.

БОЛЬШАЯ КОАЛИЦИЯ

Первейшая характерная черта со-общественной демократии состоит в том, что политические лидеры всех значительных сегментов многосоставного общества сотрудничают в управлении страной в рамках большой коалиции. Эта власть составляет контраст такому типу демократии, в котором лидеры разделены на правительство, опирающееся только на парламентское большинство, и на влиятельную оппозицию. Самый яркий пример последнего типа - британская демократия, поэтому модель "правительство против оппозиции" будет далее именоваться британской моделью. Стиль правления в со-обществекной модели основан на коалиции интересов; в британской модели - на конкурентном,'или, как это называет М.О.Хейслер, - "соревновательном" принципе (1).

Большие коалиции нарушают правило, согласно которому,кабинеты в парламентских системах должны иметь (и обычно имеют) поддержку большинства, но не поддержку подавляющего большинства. Малая коалиция не только допускает существование эффективной демократической оппозиции, но и легче формируется, так как требует примирения меньшего числа различных позиций и интересов. Это основанное на здравом смысле замечание согласуется и с *"принципом размерности"* У.Х.Райкера, основанном на положениях теории игр. Указанный принцип гласит: "В игре с участников, построенной на принципе нулевой суммы (т.е. где общая сумма выигрыша равна общей сумме проигрыша), и где допустимы соглашения между игроками о разделе выигрыша, где игроки разумны и обладают полной информацией, создаются лишь минимальные по размеру коалиции для выигрыша". В применении к аналогичным ситуациям в общественной жизни это означает, что "игроки создают коалицию лишь такого размера, который, по их мнению, обеспечит им победу, но не больше" (2, pp. 32-33).

Принцип размерности исключительно полезен для понимания характера большой коалиции, поскольку в нем содержатся условия создания минимальной коали-

*** Журнал продолжает публикацию глав из книги А.Лейпхарта "Демократия в многосоставных обществах". Начало см. в предыдущем номере "Полиса".**

ции для выигрыша, а следовательно, для всех видов коалиций, в том числе и большой коалиции. Райкер, например, отмечает, что принцип размерности может подвергаться модификациям благодаря "эффекту информации": коалиции будут минимальными лишь когда игроки обладают полной информацией, и чем менее полна информация, тем большая по размеру коалиция необходима. Еще более важно условие нулевой суммы: "Принимаются во внимание только прямые расчеты между игроками, а общая выгода игнорируется". Когда же общая выгода имеет значение, ие применимы ни принцип размерности, ни нулевая сумма. Это подтверждается не только логикой, но и экспериментальными исследованиями небольших групп игроков. Райкер обнаружил, что принцип размерности применяется в играх между близкими друзьми, которые рассматривают игру чисто как игру и свободно принимают условия нулевой суммы, группы же менее близко знакомых между сотой людей стремились не рассматривать игру на основе нулевой суммы - "соображения солидарности между членами группы и преданности ее интересам" брали верх - и способствовали заключению больших, чем минимально необходимая, коалиций. Условие нулевой суммы "налагает ограничение, т.е. подразумевает, что никакой результат игры не разрушит компанию. Иными словами, никакое решение не приведет к тому, что проигравшие выйдут из игры, а не согласятся с ее условиями" (2, pp, 29,51,88-89, 103).

В политической жизни условие нулевой суммы ограничивает применение принципа размерности в создании коалиций двумя видами обществ: 1) гомогенными обществами с высокой степенью консенсуса, где общая выгода принимается как должное, и 2) их полкой противоположностью - обществами, раздираемыми острым внутренним антагонизмом и враждой. Другими словами, принцип размерности применим там, где участники политического процесса рассматривают политику либо как *игру,* либо как тотальную *войну.* В промежуточных ситуациях будет оказываться по крайней мере некоторое давление в пользу расширения коалиции, а возможно, и создания большой коалиции.

Сравнение с игрой охотно используется Г.А.Алмондом для характеристики англо-американских демократий: "Поскольку их политическая культура стремится к гомогенности и прагматизму, (политический процесс) приобретает в некоторой степени дух игры. Игра хороша тогда, когда ее результат не известен заранее, а ставки не слишком высоки". Это означает, что соревновательный стиль хорошо подходит гомогенным обществам. Однако, продолжает Алмонд, "когда ставки слишком высоки, общий дух меняется с возбуждения на озабоченность" (3). Поскольку в многосоставных обществах ставки часто поднимаются очень высоко, в них нежелательно уподоблять политику игре: для них больше подходит большая коалиция, а не схема "правительство против оппозиции".

Функции большой коалиции можно также разъяснить, рассмотрев их в контексте противостоящих друг другу принципов консенсуса и правления большинства в рамках нормативной теории демократии. С одной стороны, широкое согласие всех граждан выглядит более демократичным, чем просто власть большинства, но, с другой стороны, единственная реальная альтернатива власти большинства - это власть меньшинства или, по крайней мере, право меньшинства налагать вето. В большинстве демократических конституций эта дилемма разрешается установлением власти большинства для нормального течения дел, т.е. когда ставки не слишком высоки, и особого большинства или большинства, отвечающего сразу нескольким условиям, на период наиболее важных решений (например, принятия или изменения конституции) . Тем самым они следуют рекомендации Жана-Жака Руссо: чем более серьезные и важные решения принимаются, тем ближе к единодушию должно быть возобладавшее мнение.

На практике власть большинства хорошо работает тогда, когда различные позиции в обществе распределяются по однозначной схеме и имеют небольшой разброс, другими словами, когда есть довольно значительный консенсус, а большинство и меньшинство отстоят не слишком далеко друг от друга. Как однажды заметил лорд Бальфур, когда все стоят на одной платформе, они могут себе позволить немножко потолкаться. Но в политической системе с отчетливо выраженными противоречивыми и потенциально враждебными друг другу сегментами населения практически все

решения воспринимаются как очень высокие ставки, **и** там откровенная власть большинства ставит под угрозу цельность и благополучие политической системы.

Даже в странах, которые ни многосоставны, ни со-общественны, большие коалиции могут образовываться как временная мера для преодоления серьезного внутриполитического или внешнего кризиса. Например, Великобритания и Швеция, которые принадлежат к числу гомогенных и консенсусиых демократий, прибегали к формированию правительств большой коалиции во время второй мировой войны. Такое же решение имел **в** виду **и** Р.А.Даль, когда в разгар уотергейтского кризиса в США предложил установить двухпартийную администрацию на период между отставкой президента Никсона **и** вступлением в должность нового главы исполнительной власти, избранного всеобщим голосованием. Временным президентом должен был стать человек, "свободный от узкопартийных ориентации", посты в его кабинете - "более **или** менее равно распределены между республиканцами и демократами.., высокопоставленные чиновники аппарата Белого дома должны таким же образом привлекаться примерно **в** равной степени из обеих партий". Особенно интересно привести его аргументацию в пользу такого предложения: "Хотя оно ново и непривычно для американцев, **в** нем все совершенно сообразуется с духом и буквой конституции. В ряде других стран большие коалиции позволяли достичь единства и стабильности во время критических переходных периодов путем умиротворения партийных страстей и укрепления консенсуса" (4). Дж.Ньерере также доказывал, что политическая оппозиция может причинить вред во время политического кризиса и правильно обобщил западную политическую практику в следующих словах: "В западных демократиях принятая практика оппозиционных партий в чрезвычайных ситуациях - отбросить противоречия и объединиться с большинством в правительстве национального **единства"** (5). В **многосоставных обществах,** разумеется, сам характер **общества является** таким "кризисом"; **Это больше,** чем временная чрезвычайная ситуация, и она требует более долгосрочной большой коалиции.

Норму "правительство против оппозиции", предписываемую нормативной теорией демократии, можно рассматривать и как принцип исключения: большое меньшинство следует исключить из правительства. Но этот принцип намного менее исключителен, чем кажется, так как он основан на предположении, что меньшинство может стать большинством, а значит, правительство и оппозиция будут меняться местами. В долгосрочной перспективе, таким образом, каждый значительный сегмент получит возможность участия в правительстве. Есть два пути такого превращения меньшинства в большинство: 1) значительное количество неустойчивых во мнении избирателей могут отдать свои голоса не партии или партиям, стоящим у власти, а оппозиции и тем создать ей большинство, необходимое для формирования нового правительства; 2) может существовать система ротационной правительственной коалиции, в которой через несколько лет каждая партия поочередно входит в правительство.

Первый механизм не может удовлетворительно действовать в многосоставном обществе, поскольку противоречия между сегментами с большой вероятностью будут иметь важное политическое значение и совпадать с противоречиями между партиями, колебания же голосов избирателей будут носить незначительный характер. Второй метод может сработать только там, где существует не менее трех партий меньшинства, не имеющих заведомо предпочтительных партнеров по возможной коалициц. В подобном состоянии, которое В.Р.Лорвин назвал Algemeinkoalitonsfahigkeit (6) , ротационные коалиции могут выступать альтернативой большой коалиции; их можно рассматривать и как двухфазовую большую коалицию. Но когда в наличии две главные сегментарные партии, два стабильных партийных альянса или партия большинства, противостоящая двум или большему числу меньших партий, большая коалиция представляет единственную возможность избежать постоянного исключения меньшинства из правительства.

Последний аргумент в пользу установления большой коалиции (в дихотомных партийных системах, равно и в более сложных системах, характеризуемых таким

Способность создавать всеохватывающие коалиции (нем.).

качеством как Algemeinkoalitionsfahigkeit, может быть сформулирован как ответ на возражение Б.Барри против мысли о том, что большая коалиция является важнейшим инструментом достижения политической стабильности в многосоставном обществе. Барри утверждает, что большая коалиция - просто умозрительное построение, а на самом деле решающим фактором является готовность к компромиссу, которая не обязательно должна выражаться в виде институционализированного сотрудничества в большой коалиции: "Готовность лидеров австрийской Народной партии в 1945 г. предложить "большую коалицию" и готовность лидеров Социалистической партии принять это предложение были исключительно важны, так как они продемонстрировали, что обе партии согласны действовать в примирительном духе. Но такая их позиция могла бы позволить создать стабильную политик) и в том случае, если бы Народная партия сформировала умеренное правительство, а Социалистическая партия - умеренную оппозицию" (7).

То, что умеренность позиций и готовность к компромиссу есть необходимые условия для формирования большой коалиции, - очевидная истина и даже тавтология. С другой стороны, перспектива участия в правительстве - мощный стимул для умеренности и компромисса, поскольку в этом случае сводится к минимуму риск быть обманутым другими партиями или собственным необоснованным оптимизмом по поводу их готовности к примирению. Будучи вместе у власти, партии, не вполне доверяющие друг другу, получают важную гарантию политической безопасности. Для этого, разумеется, необходимо быть в правительстве одновременно, а не участвовать в ротационной (diackronic) коалиции, состав которой меняется.

РАЗНОВИДНОСТИ БОЛЬШИХ КОАЛИЦИЙ

До сих пор идея большой коалиции излагалась в самой общей форме, без определения ее конкретных институциональных форм. *Кабинет* большой коалиции - простейший вид со-общественного механизма, но ту же функцию могут выполнять и многие другие формы. Важнейшая черта большой коалиции - не ее конкретное институциональное устройство, а участие kидеров всех крупнейших сегментов в управлении многосоставным обществом. (...) .

В парламентских системах большие коалиции не обязательно должны принимать форму кабинетов. Но, с другой стороны, это не означает й того, что любое формальное строение институтов власти одинаково способствует формированию больших коалиций. В данной связи следовало бы рассмотреть традиционные классификации демократических режимов: парламентская система против президентской и республика против монархии. Поскольку президентский режим подразумевает господствующее положение одного лидера, он менее удобен для со-общественной власти, чем парламентский режим, предполагающий существование коллегиального кабинета, в котором могут быть представлены различные сегменты. Однако президентская форма правления и со-общественность не являются абсолютно несовместимыми. Одно из возможных решений -… ротационная большая коалиция. Хотя Колумбия и не может считаться многосоставным обществом, соглашение между Либеральной и Консервативной партиями о попеременном занятии президентского поста на четырнадцатилетний период (1968-1974 гг.) может служить показательным примером. Это чередование (alternation) дополнялось равным представительством (paridad) на все более низких уровнях в госаппарате. Другое решение - увязывание условий занятия президентского поста и других высших должностей исполнительной власти, таких как посты премьер-министра, заместителя премьер-министра, спикера законодательной ассамблеи. Взятые вместе, они могут составлять большую коалицию, как, например, в Ливане. Предложение Даля о беспартийном президенте и двухпартийном кабинете для преодоления уотергейтского кризиса и его последствий - еще один (хотя и гипотетический) вариант решения.

Хотя концентрация власти в руках одного человека является препятствием к

Далее автор рассказывает об опыте больших коалиций в Швейцарии и Австрии ("наилучшие примеры") , а также в Бельгии и Нидер

созданию большой коалиции, положительное воздействие в этом смысле может оказать другая особенность президентской формы правления: разделение властей. В трех из европейских со-общественных демократий - Австрии, Бельгии и Нидерландах - действует формальное правило, согласно которому пребывание правительства у власти обусловлено доверием парламента, который может его распустить. В Швейцарии же, напротив, разделение властей сочетается с "коллегиальным президентом": Федеральный совет из семи человек избирается парламентом на четыре года, но будучи избранными, члены совета не могут быть принуждены уйти в отставку. Такое разделение властей, вероятно, оказывает положительное, хотя и ограниченное влияние на развитие и устойчивость со-общественной формы правления в Швейцарии. Даль доказывает, что в целом конституционно закрепленное разделение властей способствует развитию тенденций к сотрудничеству и поиску общих интересов: разделение властей и федерализм уменьшают изолированность оппозиции и соперничество в борьбе между нею и правительством.

Аргументированность этого предложения подкрепляется и тем фактом, что в Голландии существует целый ряд по большей части неформальных обычаев, которые привносят в строгий парламентаризм дух некоего "полуразделения" властей, способствующий сотрудничеству элит в Нидерландах. Хотя все кабинеты, начиная с 1868 г., были парламентскими, их полунезависимое положение подчеркивалось утвердившимся представлением о том, что они являются правительствами короля или королевы. Более того, хотя министры имеют право выступать в парламенте, они не могут быть членами парламента или голосовать. Министры набираются преимущественно не из членов парламента. Из всех министров, занимавших свои посты с 1848 по 1958 г., только примерно треть была членами парламента до вхождения в правительство.

Благодаря своему автономному или независимому статусу голландские и швейцарские органы исполнительной власти могут выполнять двойную функцию в со-общественной демократии. Ввиду своего широкого состава (хотя голландские кабинеты никогда в полной мере не являлись большими коалициями) они образуют поприще, на котором реализуется сотрудничество элит. И в то же время, благодаря своему особому положению над парламентом и над партиями, они могут выступать как непредвзятые посредники между соперничающими группировками.

Возможность формирования большой коалиции зависит также от того, имеет ли страна республиканскую или монархическую форму правления. Наиболее важный аспект монархии в многосоставном обществе - это то, в какой степени она является символом национального единства и тем с^мым служит противовесом центробежному эффекту противоречий между сегментами. Вторая ее важная функция в том, что она дает нейтрального руководителя государства и делает ненужным поиск приемлемого для всех кандидата на этот пост, т.е. снимает проблему, аналогичную поиску беспартийного президента при режиме президентской власти. (...)

Хотя Австрия и Швейцария и были лишены позитивной объединяющей силы национальной монархии, они нашли адекватный эквивалент для ее второй функции. На протяжении всей эры большой коалиции в Австрии пост президента занимал социалист, тогда как канцлером был католик. Такое положение, однако, не было плодом специальной договоренности элит в со-общественном механизме, но сложилось в результате того, что (за исключением 1945 г.) президент избирался всенародным голосованием, и обе главные партии активно соперничали на выборах. В Швейцарии пост президента ежегодно переходит от одного к другому члену Федерального совета - это еще одна форма ротационной большой коалиции.

ВЗАИМНОЕ ВЕТО

Первый и наиболее существенный метод функционирования со-ебщественного правления - большая коалиция в той или иной форме - дополняется еще тремя вспомогательными механизмами: взаимным вето, пропорциональностью и сегментарной автономией. Эти четыре метода тесно связаны между собой, и все они подразумевают отклонения от "правления большинства" в чистом виде. Взаимное вето, которое будет рассмотрено в первую очередь, представляет собой правление меньшинства методом отрицания.

Участие в большой коалиции дает важную политическую гарантию безопасности сегментам меньшинства, но гарантию не абсолютно надежную. Решения должны приниматься большой коалицией; достигаются они голосованием, и хотя присутствие в коалиции дает возможность меньшинству максимально энергично отстаивать свою позицию перед лицом партнеров по коалиции, все же большинство может при голосовании забаллотировать ее. Если принятые таким образом решения затрагивают жизненные интересы сегмента меньшинства, то такое поражение будет сочтено недопустимым, и сотрудничество между элитами сегментов окажется под угрозой. Таким образом, к принципу большой коалиции необходимо добавить и право меньшинства на вето; только такое вето даст каждому сегменту полную гарантию политической безопасности. Право вето меньшинства синонимично "совпадающему большинству" Дж.К.Калхоуна, главная цель которого также состоит в защите интересов меньшинства: оно наделяет каждый сегмент "правом на самозащиту и отдает права и безопасность каждого в единственные руки, которые могут их надежно обеспечить, - в его собственные руки. Без этого не может быть устойчивого, мирного и эффективного противодействия естественной для каждого тенденции входить в конфликт с другими" (9, p. 28).

Наибольшая опасность, таящаяся в праве меньшинства на вето, заключается в том, что оно может создать такие же сложности для сотрудничества в рамках большой коалиции, как и забаллотирована меньшинства. Однако по трем причинам эта опасность не так велика, как кажется. Во-первых, это вето носит взаимный характер, все сегменты меньшинства обладают им и могут прибегнуть к нему; Калхоун употребляет термин "взаимное отрицание" как синоним "совпадающего большинства". Маловероятно, что право вето будет использоваться меньшинством слишком часто, так как это может нанести урон и его собственным интересам. Во-вторых, сам факт того, что право вето всегда есть в арсенале, придает меньшинству чувство уверенности. А это делает маловероятным применение данного права на практике: "С предоставлением каждому интересу и каждой группе права на защиту предотвращаются все распри и вся борьба между ними за господство... и тем самым... подавляются все устремления к ослаблению своей принадлежности к единому целому".

Соответственно, рассуждает Калхоун, каждый сегмент "считает, что сможет наилучшим образом обеспечить собственное процветание путем утверждения доброй воли и содействия процветанию других". Наконец, каждый сегмент осознает опасность тупика и иммобильности, к которым можно прийти, безоглядно пользуясь правом вето: "Побуждаемый настоятельной необходимостью избежать пробуксовки в деятельности правительства, каждый сегмент будет рассматривать уступки, на которые ему придется пойти ради обеспечения общих интересов, а значит, и своих интересов, как слишком незначительную жертву по сравнению со злом, которому подвергнутся все, а значит, и он сам, если упрямо будет придерживаться отличной от всех линии поведения" (9, pp. 37-38, 52).

Взаимное вето может быть и неформальной неписанной договоренностью, и правилом, официально оформленным, а может быть и закрепленным в конституции. Нидерланды и Швейцария - примеры неформального применения вето. А в Австрии оно официально подтверждалось лидерами Социалистической и Католической партий перед формированием каждого коалиционного правительства: в коалиционном комитете все решения должны были приниматься единогласно. В Бельгии взаимное вето было не более чем неформальным принципом отношений между католической, социалистической и либеральной "духовными семьями" (families spirituelles), но оно закреплено в конституции для вопросов, относящихся к интересам языковых групп. Л.Клаес писал в начале 60-х годов: "Все более и более в парламенте и в других собраниях решение большинства не считается достаточно представительным, если анализ голосов, поданных "за" и "против", показывает, что они неравномерно распределены по двум частям страны" (10). В 1970 г. это правило вылилось в поправку к конституции: законы, затрагивающие культурные и образовательные интересы языковых групп, принимаются только в том случае, если за них проголосует большинство и франкоговорящих, и фламандскоговорящих парламентариев. Это означает введение официального права вето для обоих языковых сегментов.

ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ

Принцип пропорциональности также представляет собой значительное отклонение от идеи власти большинства и, подобно взаимному вето, тесно связан с принципом большой коалиции. Пропорциональность имеет две важные функции. Во-первых, она является методом распределения между различными сегментами постов в системе государственной службы, а также ограниченных финансовых ресурсов в форме правительственных субсидий. В этом смысле она - противоположность принципу "победитель получает все", действующему при неограниченной власти большинства. Поскольку один из мотивов образования минимальной коалиции на выигрыш состоит в том, чтобы распределить "тепленькие местечки" среди минимально возможного числа претендентов, то правило пропорционального распределения должностей делает такую коалицию менее выгодной, следовательно, и менее реальной.

Пропорциональность как нейтральный и непредвзятый способ распределения устраняет из процесса принятия решений многие проблемы, потенциально способные расколоть коалицию, и тем самым облегчает бремя со-общественной власти. Еще более важная функция пропорциональности связана непосредственно с процессом принятия решений. Ю.Штайнер так определяет пропорциональную модель: "Все группы оказывают на выработку решения воздействие, прямо пропорциональное их численности". И с. этой точки зрения пропорциональность связана с правилами большой коалиции: "Примерно пропорционального распределения влияния на проблемы выработки политики можно добиться только тогда, когда решение согласовывается при участии всех групп" (11, p. 63). Но пропорциональность привносит уточнение в концепцию большой коалиции: все значительные сегменты должны быть не просто представлены в органах, принимающих решения, но представлены пропорционально. Например, швейцарская "волшебная формула" состава Федерального совета есть формула пропорциональная. А в Австрии кабинеты большой коалиции составлялись так, чтобы возможно точнее отражать проявившуюся на выборах силу обоих партнеров по коалиции.

Пропорциональный состав кабинетов и других органов, принимающих решение, не дает ответа на вопрос, как обеспечить пропорциональное влияние в тех случаях, когда решения могут носить взаимоисключающий характер: например, предпринимать или нет какой-либо конкретный шаг. Если нет изначального согласия, то в такой ситуации кто-то окажется победителем, а кто-то - проигравшим: нельзя избежать проявления либо власти большинства, либо применения вето меньшинства. Решения эта дилемма не имеет, однако есть два способа ее смягчения, которые могут рассматриваться как частичные решения. Первый из них - увязать несколько вопросов и разрешить их одновременно путем взаимных уступок: обычно это называется "перекатыванием бревна" , "пакетной сделкой" или, в Австрии - Junktin (12).

Другой способ состоит в делегировании права принятия наиболее трудных и судьбоносных решений высшим руководителям сегментов. В этом процессе принцип пропорциональности приобретает исключительное значение. В идеально типической британской модели правило власти большинства действует как на уровне решения избирателей, так и при формировании правительства. Избиратели в каждом округе избирают одного кандидата с четким, в идеале, набором политических обещаний. Кабинет, опирающийся на большинство победивших кандидатов, проводит в жизнь программу победителей. В такой модели принципиальные решения принимаются по правилу власти большинства на уровне массы избирателей. В противоположность этому, в пропорциональной модели принятие решений властью большинства (или правом вето меньшинства) *откладывается* как можно дольше. Эта модель, действуя

Американский термин logroling намекает на то, что бревно должны перекатывать несколько человек, действуя синхронно. - *Прим. ред.*

как избирательная система, просто максимально точно преобразует сумму полученных на выборах голосов в количество мест в парламенте, не требуя принятия программы политических решений. Принятие решений откладывается и далее формированием на пропорциональной основе кабинета большой коалиции, а возможно, и еще более высокого органа, такого, как австрийский коалиционный комитет (Koalitionsausschuss) или чешская "пятерка" (Petka) . Такой метод перекладывания решений на самый высокий уровень означает сосредоточение власти решать в руках узкого круга высших руководителей* Преимущество этого способа в том, что при доверительных и секретных переговорах вероятность достижения пакетной сделки максимизируется, а наложения вето меньшинством - минимизируется.

Строго говоря, диаметральной противоположностью пропорциональному методу откладывания и делегирования решений является не власть большинства британского типа, а власть большинства без вмешательства выборных представителей, типа референдума, особенно если он совмещен с инициативой. В Швейцарии, таким образом, пропорциональное делегирование права принятия решений на уровень общенационального высшего исполнительного органа причудливо сочетается с периодическими уклонениями в противоположную крайность - проявлениями прямой демократии и власти большинства, лишь слегка смягченными тем, что для принятия решения по конституционным вопросам требуется большинство как общее, так и по кантонам.

Есть два проявления принципа пропорциональности, которые порождают еще большие отклонения от власти большинства: сознательно завышенное представительство малых сегментов и паритетное представительство. Последнее можно рассматривать и как максимальное продолжение первого: представительство меньшинства или меньшинств завышается до такой степени, что они достигают равного уровня с большинством или с самой большой группой. Практический результат власти большинства в британской модели состоит в преувеличении представительства й влияния большинства. Паритет и завышенное представительство меньшинства дают противоположный эффект, они являются способами дополнительной защиты малых сегментов. Паритет - особо действенная альтернатива пропорциональности в многосоставном обществе, разделенном на два неравных сегмента. В этом случае пропорциональность не сняла бы конфронтации меньшинства с большинством в принимающих решения органах, поскольку просто отражала бы соотношение их размеров. Примером органа, созданного на паритетной основе, является бельгийский кабинет, который, согласно новым положениям Конституции 1970 г., должен состоять из равного числа министров, говорящих по-французски и по-фламандски (не считая премьер-министра), и в котором тем самым завышено представительство франкоговорящего меньшинства.

АВТОНОМНОСТЬ СЕГМЕНТОВ И ФЕДЕРАЛИЗМ

Последнее отклонение от власти большинства - автономность сегментов, которая приводит к власти меньшинства над самим собой в сфере его исключительных интересов. Она представляется логичным следствием принципа большой коалиции. По всем вопросам, имеющим общее значение, решения должны приниматься всеми сегментами вместе, с примерно пропорциональной степенью влияния. По всем же другим вопросам, однако, принятие и исполнение решений может быть предоставлено отдельным сегментам.

Делегирование сегментам прав выработки и претворения в жизнь политических решений вкупе с пропорциональным распределением государственных средств каждому сегменту - мощный стимул к становлению различных организаций внутри сегментов. Один из аспектов определения многосоставного общества - то, что представительные организации в обществе образуются по границам, разделяющим сег-

Коалиция лидеров пяти крупнейших чешских партий, ставшая со временем внеконституционным рабочим комитетом, который стоял и над правительством, и над парламентом в Чехо-Словакии в довоенный период. Лейпхарт замечает, что "пятерка" не была в полном смысле большой коалицией, поскольку не включала в себя представителей национальных меньшинств. - ***Прим. ред.***

менты. Это означает, что автономность сегментов усиливает многосоставность характера и без того неоднородного общества. (...) Природе со-общественной демократии вполне соответствует то, что она (по крайней мере в своей начальной фазе) делает многосоставное общество еще более неоднородным. Смысл ее - не в устранении и не в ослаблении противоречий между сегментами, а в открытом признании их и превращении сегментов в конструктивные элементы стабильной демократии.

Особой формой автономности сегментов является федерализм, хотя, разумеется, он может существовать и не в многосоставных обществах. В теории федерализма имеется много важных параллелей с со-общественностью; эти параллели - не только в предоставлении автономии составным частям государства (что является наиболее важной чертой федерализма), но и в завышении представительства малых образований в "федеральной" палате парламента. Теорию федерализма, таким образом, можно рассматривать как ограниченный и особый вид теории со-общественности. Аналогичным образом федерализм можно считать и со-общественным методом для тех многосоставных обществ, которые являются "федеративными", - т.е. обществами, в которых каждый сегмент сосредоточен на определенной территории и отделен от других сегментов, или, другими словами, обществами, где границы между сегментами совпадают с границами между регионами. Поскольку управление на региональном уровне практически всегда организуется в соответствии с такими границами, федерализм представляется весьма перспективным способом воплощения в жизнь идеи автономности сегментов.

И наоборот, автономность сегментов можно считать обобщением идей федерализма. Практически именно такая попытка разработать систему внетерриториального федерализма была предпринята О.Бауэром и К.Реннером для решения межнациональных проблем в Австро-Венгерской империи. Свое предложение они назвали "федерализм на личной основе" - в противовес обычному территориальному принципу. Каждый гражданин должен был получить право заявить, к какой национальности он хочет принадлежать, и эти национальности должны были стать автономными (Kulturgemeinschafte). Бауэр подчеркивал параллель между предложенными им культурными общностями и часто сосуществующими религиозными общинами католиков, протестантов и евреев, которые независимы в ведении своих религиозных дел (13).

В европейских со-общественных демократиях существенную роль сыграли как территориальный, так и внетерриториальный федерализм. Первый тип особенно важен для Швейцарии и, в особенности после 1917 г., в Бельгии. Там, где сегменты географически слишком смешаны, автономность сегментов устанавливалась на индивидуальной основе - в Нидерландах, Австрии и в Бельгии, когда речь шла о религиозно-идеологических субкультурах, а не о языковых общинах. Австрия формально считается федеративной республикой, но ее система автономности сегментов носит преимущественно внетерриториальный характер. Следует отметить, что хотя делегировать правительственные и административные полномочия проще территориально-компактным, чем внетерриториальным сегментам, принцип автономии доказал свою совместимость с обоими способами. Автономность сегментов, особенно в сфере культуры, образования и средств коммуникации, стала в Нидерландах, Австрии и Бельгии весьма значительной.

ОТДЕЛЕНИЕ И РАЗДЕЛ

Одна из причин, по которым Э.А.Нордлингер исключает федерализм, как и автономность сегментов в целом, из своего набора *способов урегулирования конфликтов* в многосоставных обществах, заключается в том, что они могут подтолкнуть государство к распаду: "Сочетание территориально обособленных сегментов с предполагаемой федерализмом частичной автономией иногда придает дополнительный стимул требованиям большей автономии", а когда эти требования отвергаются, "могут последовать отделение и гражданская война" (14, p. 32). На этот аргумент можно было бы ответить, что подобное замечание допустимо и по отношению к другим элементам со-общественной демократии. Например, взаимное вето или даже угроза пустить его в ход могут применяться слишком часто и настойчиво одним из сегментов, чтобы

добиться чрезмерных уступок от других, а подобное злоупотребление правом вето может спровоцировать насильственный конфликт. Другая опасность заключается в настойчивом требовании со стороны одного из сегментов перейти от пропорционального к завышенному в свою пользу представительству даже тогда, когда это объективно не оправдано. Короче говоря, все со-общественные методы должны применяться с осторожностью и сдержанностью. Во-вторых, трудно себе представить, что установление унитарной и централизованной демократической системы позволит предотвратить отделение одного из сегментов, если изначальный ингредиент сепаратистских устремлений достаточно силен.

Более серьезное возражение на аргумент Нордлингеуа состоит в том, что далеко не при любых обстоятельствах отделение следует считать нежелательным выходом из противоречий, возникающих в многосоставном обществе. Существует три вида решений политических проблем в многосоставном обществе, которые не посягают на его демократический характер. Первый - устранить или существенно смягчить неоднородность состава общества путем *ассимиляции* - метод с низкой вероятностью успеха, особенно в краткосрочной перспективе. Второй - *со-общественное решение,* которое исходит из того, что сегменты, на которые разделено общество, являются кирпичиками для строительства демократического режима. Если же второе решение не имеет практических шансов на успех или было испробовано и потерпело неудачу, единственная остающаяся логичная альтернатива - уменьшить неоднородность путем *раздела* страны на два (или большее число) отдельных и более гомогенных государств.

Со-общественная модель является промежуточной между унитарной британской моделью и моделью межгосударственных отношений: последнюю она напоминает в особенности такими чертами, как взаимное вето и свобода действий его составных частей. Выделение в суверенные государственные образования, разумеется, представляет шаг, выходящий далеко за рамки автономности сегментов. Нельзя, однако, сказать, что оно несовместимо с основными посылками, на которых строится со-общественная модель. Эта модель согласуется с выводом Дж.С.Фернивалла о том, что географически смешанное многосоставное общество лишено преимуществ федерации, которая "может прибегнуть к лекарству (раздела)... если бремя союза становится невыносимым" (15). Скорее чем считаться источником проблем, географическая компактность сегментов многосоставного общества может рассматриваться как достоинство, предоставляющее возможность воспользоваться федерализмом как со-общественным средством и разделом в качестве крайней меры. Трудности возникают скорее тогда, когда сегменты географически перемешаны. Подобное положение исключает возможность прибегнуть к территориальному федерализму как форме автономности сегментов и ограничивает выбор менее действенными формами автономии. А раскол приводит к образованию гомогенных независимых государств только в том случае, если сопровождается переселением меньшинств.

Есть авторы, которые выступают за раздел даже при таких неблагоприятных обстоятельствах. Поразительный пример этого - рекомендация, данная в конце второй мировой войны Л.Уиртом: "При грядущем мирном урегулировании было бы разумно учитывать при определ яки границ между государствами важность расселения этнических групп и быть готовым переселять людей в более однородные государства, если придется нарушать этнические границы". Для подкрепления своего аргумента он сослался на "ценный прецедент" "весьма успешного переселения турецкого, болгарского и греческого населения после греко-турецкой войны 1919-1923 гг.". Свои рассуждения он завершил следующим выводом: "В свете этих событий вопрос о меньшинствах не может более считаться не поддающимся решению" (16). Более поздний пример - статья о разделе Н.Паундса, в которой он признает и щепетильность проблемы перемещения населения, и нежелательность увеличения в мире числа малых государств, но тем не менее заключает, что "раздел и его последствия могут оказаться весьма умеренной платой за (возможность избежать) внутренней эорьбы и даже гражданской войны" (17).

Вопрос о цене раздела и переселения - в смысле не только физических ресурсов, ко в особенности связанных с ним человеческих страданий, разумеется, относителен ***л*** должен рассматриваться на фоне возможных преимуществ; ясно, однако, что эту

цену нельзя занижать. С другой стороны, раздел необходимо рассматривать как один из вероятных вариантов, заслуживающий, по крайней мере, непредвзятой оценки, - на которую ему трудно рассчитывать при современном настрое политиков и ученых против разделов. Как отмечал С.П.Хантингтон, "предубеждение XX века против политического развода, т.е. отделения, почти столь же сильно, как предубеждение XIX века против развода супругов. Там, где отделение возможно, сегодняшним политикам следовало бы относиться к нему с большей терпимостью" (18). Преобладающая в ученой среде настороженность в отношении политического развода основывается на традиционном положении теории международных отношений, согласно которому корень любого конфликта между государствами - в отсутствии у них общего правительства. Х.Булл - один из немногих теоретиков, который громко выразил свое несогласие с этим широко распространившимся мнением: "Как бы велики ни были классические опасности существования множества суверенных стран, они должны оцениваться в сравнении с теми, которые неизбежны при попытке сохранить доведенные до исступления общины в рамках одного государства" (19). В исследованиях проблем мира присутствует аналогичная тенденция - скептическое отношение к миру, достигнутому путем разделения потенциальных врагов (характерно, что он именуется "негативным миром"), и стремление к миру, основанному на братских чувствах в едином, интегрированном и справедливом обществе, - "позитивному" миру.

НЕДОСТАТКИ СО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Поскольку со-общественная модель служит не только эмпирическим объяснением политической стабильности ряда малых европейских демократий, но и нормативным примером для многосоставных обществ в других частях света, представляется необходимым оценить ее реальные и мнимые слабости. Они могут быть двух родов: со-общественную демократию можно критиковать за то, что она не вполне демократична, и за то, что она не обладает достаточным потенциалом для достижения стабильного и эффективного режима власти.

Если считать наличие сильной оппозиции необходимым ингредиентом демократии, то со-общественная демократия, по определению, менее демократична, чем британская модель "правительство против оппозиции"; при правительстве большой коалиции подразумевается либо относительно небольшая и слабая оппозиция, либо отсутствие оформленной оппозиции в законодательных органах. Такое предположение, однако, не совсем корректно: идеал активной политической оппозиции, который имеет реальный шанс воплощаться на практике в гомогенных обществах, не может служить образцом при анализе политической жизни в многосоставных обществах. В неблагоприятных условиях раскола между сегментами со-общественная демократия, пусть и далекая от абстрактного идеала, является наилучшим видом демократии, на которую можно реально рассчитывать. Вышеупомянутое предположение ошибочно еще в одном аспекте: оно основано на предварительном условии чередования партий у власти. Но, как уже было показано, разделение на сегменты лишенс гибкости, что препятствует перераспределению голосов избирателей между партиями. Не может, однако, считаться демократичным постоянное отстранение сегмента (или сегментов) от участия в правительстве. К тому же следует подчеркнуть, чтс большая коалиция не обязательно полностью исключает существования оппозиции Поскольку имеется парламент или другой орган, перед которым оппозиция ответственна, то критика может высказываться в адрес не только коалиции в целом, но, i первую очередь, отдельных членов коалиции со стороны сторонников других партий Это то, что австрийцы называли Bereichsopposition (оппозиция тому, что делается под согласованной юрисдикцией другой партии) в эру большой коалиции между католиками и социалистами (20).

Другая группа критических замечаний в адрес характера демократии при со-общественной модели сводится к тому, что при таком устройстве не в полной мере реализуется демократическая триада - "свобода, равенство, братство". Сегмент, к которому принадлежит гражданин, встает между ним и обществом, а также властью и этот сегмент может подавлять его, как гражданина, своей однородностью. Со-об-

щественная модель напоминает "коммунальное общество" в типологии У.Корнхаузера. Там группировки, образующиеся на среднем уровне, являются "инклюзивными" в том смысле, что они "охватывают все аспекты жизни своих членов" (21). Высокогомогенное и конформистское общество также может оказывать такое давление на индивидуальную свободу своих граждан. В этом нет парадокса: со-общественная демократия приводит к разделу многосоставного общества на более гомогенные и самодостаточные элементы.

Разделение различных сегментов и автономия, которую они получают для ведения своих дел, также нарушают идеал равенства по крайней мере двумя способами. Во-первых, со-общественная демократия больше внимания уделяет равному или пропорциональному отношению к группам людей, чем равенству между отдельными гражданами. Во-вторых, изолированность и автономность сегментов могут служить препятствиями к достижению равенства в масштабах всего общества в целом. Неравенство между различными регионами обычно сильнее в демократиях с федеративным устройством, чем в унитарных, равно как оно сильнее между различными государствами, чем внутри федеративных государств (22). И с этой точки зрения со-общественная модель занимает промежуточное положение между британской моделью и моделью международных отношений. С другой стороны, изолированность сегментов отнюдь не несовместима с равенством между сегментами. По сути дела, католическая, кальвинистская и социалистическая субкультуры и их организации в Нидерландах часто рассматриваются как движения за эмансипацию, и они постепенно смогли более или менее добиться своей цели - обеспечить полнокровное и равное участие соответствующих сегментов в жизни голландской нации в рамках со-общественной демократии. Хотя разделение сегментов и может иметь тенденцию к неравенству, но не обязательно приводит к нему.

И с точки зрения третьего элемента демократической триады со-общественность (consociationalism) не является идеальным режимом. "Братство" означает "позитивный" мир, и перед ним бледнеет простой "негативный" мир со-общественной демократии. Но нельзя и приуменьшать важность мирного сосуществования. Существенным здесь является не то, какая из двух абстрактно сформулированных целей более желательна, а какая из них *реально достижима.* Позитивный и братский мир несомненно представляется более достойной задачей, к осуществлению которой стоит стремиться. Однако в* многосоставном обществе демократическое мирное сосуществование, очевидно, предпочтительнее, чем недемократичный мир или нестабильная демократия, раздираемая борьбой сегментов.

Последнее соображение по поводу недостаточной демократичности со-общественной демократии состоит в том, что при ней требуется, по выражению Нордлингера, "структурное доминирование элит" и, соответственно, пассивная и подчиненная роль всех групп, не принадлежащих к элите. Лидеры сегментов сталкиваются с трудной проблемой: с одной стороны, достигать политических договоренностей и идти на устуггки лидерам других сегментов, а с другой стороны, сохранять доверие собственной массовой базы. Для этого им выгодно иметь достаточно независимое положение и полномочия, а также гарантии своей руководящей роли, что, однако, не подразумевает для них полудиктаторского положения. Нордлингер считает, что структурное доминирование элит "не обязательно, даже почти никогда не приводит к подавлению не-элит. (Оно) обычно смягчается достаточным реагированием на пожелания и требования не-элит. В открытых режимах не-элиты обычно устанавливают четкий верхний предел полномочиям и власти своих лидеров" (14, pp. 73-74). Со-общественная демократия также не является несовместимой с достаточно высокой степенью вовлеченности граждан, не принадлежащих к элите сегментов, в сегментарные организации. В.Р.Лорвин пишет, что на практике сегментарная многосоставность в пяти малых европейских демократиях, которые он изучал, "привела, скорее, к расширению, а не снижению участия масс в добровольных общественных организациях". Одна из очевидных причин этого в том, что "при прочих равных условиях, чем сильнее плюрализм социально-экономических объединений, тем большее количество вакантных постов открывается на всех уровнях" (23). Более того, элитарность со-общественной демократии следует сравнивать не с абстрактным - и весьма наивным - идеалом равного распределения власти и участия в управлении

всех граждан страны, а с той степенью доминирования элит, которая составляет среднюю норму в демократических режимах всех видов. При этом может выявиться особое положение со-общественной демократии, но, во всяком случае, неошеломляющий контраст с другими ее видами.

Пожалуй, самая серьезная и затрагивающая корни проблемы критика со-общественной демократии касается не ее недемократического характера, а ее потенциальной неудачи в достижении и поддержании политической стабильности. Некоторые характерные черты рассматриваемой модели могут привести к нерешительности и неэффективности: 1) Власть большой коалиции означает на практике, что процесс принятия решений будет медленным. Соглашения гораздо легче достичь в узкой коалиции с небольшим разбросом политических взглядов, чем в широкой коалиции, представляющей весь спектр многосоставного общества; это еще одна причина, по которой, при прочих равных условиях, минимально необходимые коалиции будут формироваться чаще, чем большие коалиции; 2) Взаимное вето влечет за собой опасность того, что процесс принятия решений будет вообще парализован. Это может привести к той самой стагнации и нестабильности, для защиты от которых и создавалась со-общественная демократия; 3) Пропорциональность как принцип отбора на государственную службу означает, что принадлежность к опред!еленному сегменту получает приоритет над личными качествами кандидата, а это может нанести урон эффективности работы управленческого аппарата; 4) Автономность сегмента в буквальном смысле дорого стоит: она требует приумножения числа государственных и управленческих служб, равно как и создания большого количества отдельных структур для каждого сегмента, что делает со-общественную демократию дорогой формой управления.

Самая трудная проблема - *иммобилъность:* в сравнении с ней проблемы неэффективности управления и его высокой стоимости относительно невелики. Однако следует отметить, что характерные черты со-общественности, порождающие эти меньшие проблемы, могут оказывать положительное воздействие на темп и эффективность принятия решений. Например, Штайнер утверждает: в Швейцарии "благодаря федеративной структуре требования распределяются между различными политическими уровнями", что "приводит к относительно малому поступлению требований снизу" на общенациональный уровень, и, соответственно, к облегчению бремени принятия решений на этом уровне и уменьшению вероятности иммобильности (11, p. 69). Аналогичным образом принцип пропорциональности представляется удобным и простым способом распределения ресурсов и постов государственной службы.

Далее, необходимо проводить различие между краткосрочной и долгосрочной эффективностью. В краткосрочной перспективе система "правительство против оппозиции" в многосоставном обществе может быть гораздо более решительна и эффективна, чем со-общественная демократия. Однако цена, которую скорее всего придется платить за этот благоприятный исход, выразится в усилении антагонизма и подозрительности со стороны отстраненных от участия в правительстве сегментов, которые - либо заслуженно, либо безосновательно - будут чувствовать себя обделенными. Краткосрочная эффективность тем самым обернется крахом в долгосрочной перспективе. И напротив, со-общественная демократия на небольшом отрезке времени может выглядеть медлительной и неповоротливой. Но у нее гораздо лучшие шансы для вынесения эффективных долгосрочных решений, особенно если ее лидеры научатся применять взаимное вето с осторожностью. Опыт европейских со-общественных демократий доказывает, что тупики и иммобильность вовсе не неизбежны.

Последнее критическое замечание в адрес со-общественной демократии касается как ее демократичности, так и стабильности. Схема "правительство против оппозиции" имеет то преимущество, что неудовлетворенные граждане обладают возможностью подать свой голос против правительства, не голосуя в то же время против режима. В со-общественной модели правительство и режим совпадают. Неудовлетворенность деятельностью правительства, таким образом, быстро перерастает в недовольство режимом. Хотя это действительно серьезный недостаток, он не является фатальным. Если недовольством избирателей воспользуются другие политические партии, то это могут быть партии, настроенные против системы или против режима, но не обязательно антидемократические. А поскольку типичная избирательная сис-

тема со-общественной демократии построена на пропорциональном представительстве, таким новым партиям будет нетрудно завоевать голос в политическом процессе. Именно это и произошло, когда со-общественная демократия в Нидерландах начала распадаться в конце 60-х годов. Относительная легкость отказа от со-общественности может свидетельствовать о значительной жизнеспособности демократического режима. Данный аргумент может служить окончательным ответом на различные обвинения в адрес со-общественной демократии в недостаточной демократичности: когда ее недостатки все больше и больше ощущаются как изъяны, без которых можно обойтись, поскольку общество становится менее многосоставным, совсем нетрудно перейти от многосоставного к более соревновательному демократическому режиму.

1. *Heisler M.O.* (ed.). Politics in Europe: Structures and Processes in Some Postindustrial Democracies. N.Y., 1974, p. 52.
2. *Riker William H.* The Theory of Political Coalitions. New Haven, 1962.
3. *Almond Gabriel A.* Comparative Political Systems. - "Journal of Politics", 1956, N 3, pp. 398-399.
4. *Dahl Robert A. A* Bipartisan Administration. - "New York Times", 1973, November 14.
5. *Nyerere Julius.* One-Party Rule. - "The Ideologies of the Developing Nations". N.Y., 1963, p. 199.
6. *Lorwin Val R.* Belgium: Religion, Class and Language in National Politics. - "Political Oppositions in Western Democracies". New Haven, 1966, p. 178.
7. *Barry Brian.* The Consociational Model and Its Dangers. - "European Journal of Political Research", 1975, N 4, p. 405.
8. *Da'alder Hans.* The Netherlands: Opposition in a Segmented Society. - "Political Opposition", p. 218.
9. *Calhoun John C.* A Disquisition on Government. N.Y., 1953.
10. *Claes Lode.* The Process of Federalization in Belgium. - "Delta", Winter 1963 - 64, N 4, p, 45.
11. *SteinerJurg.* The Principle of Majority and Proportionality. - "British Journal of political Science", 1971, N 1.
12. *Lehmbruch Gerhard.* Proporzdemokratie: Politisches System und politische Kultur in der Schweiz und in Osterreich. Tubingen, 1967, S. 26-29.
13. *Bauer Otto.* Die Nationalitatenfrage und die Sozialdemokratie. Vienna, 1907, S. 353-363; См. также: Renner Karl. Das Selbstbestimmungsrecht der Nationen in besonderer Angwendung auf Osterreich. Leipzig, 1918.
14. *Nordlinger Eric A.* Conflict Resolution in Divided Societies. - "Occasional Papers in International Affairs". N 29. Cambridge (Mass.), 1972.
15. *FurnivauJ.S.* Netherlands India: A Study of Plural Economy. Cambridge, 1939, pp. 447.
16. *WirthLouis.* The Problem of Minority Groups. - "The Science of Man in the World Crisis". N.Y., 1945, p. 372.
17. *Pounds Norman J.G.* History and Geography: A Perspective on Partition. - "Journal of International Affairs", 1964, N 2, p. 172.
18. *Samuel P. Huntington* - в предисловии к книге: Nordiinger, "Conflict Regulation", p. VII. Более того, недостатки, приписываемые малым размерам, не следует преувеличивать. Р.А.Даль и Э.Р.Тафт заключают, что "шансы страны на выживание не зависят в существенной степени от ее размера", (см. их "Size and Democracy", Stanford, 1973, p. 122). Факторный анализ 236 переменных для 82 стран показал, что размер (количество населения) и богатство (валовой национальный продукт на душу населения) практически не связаны друг с другом (см.: *Jack Sawyer.* Dimensions of Nations: Size, Wealth and Politics. - "American Journal of Socioligy", 1967, N 2).
19. *BullHedley.* Society and Anarchy in International Relations. - "Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics". L., 1966, p. 50.
20. *KirchheimerOtto.* The Waning of Opposition in Parliamentary Regimes. - "Social Research". 1957, N 2, pp. 127-156.
21. *Kornhauzer William* The Politics of Mass Society. N.Y., 1959, pp. 83-84.
22. C M . *Cameron David R., Hofferbert Richard I.* The Impact of Federalism on Education Finance. A Comparative Analysis. - "European Journal of Political Research", 1974, N 3.
23. *Lorwin Val R.* Segmental Pluralism: Ideological Cleaveges and Political Cohesion in the Smoller European Democracies. - "Comparative Politics", 1971, N 2, pp. 157-158.

Перевел с английского В.И.Макаренко